

DIFFERENT FORMS OF RELIGIOSITY
AND THE MODERN WORLD

PUBLISHED BY

Institute of Social Sciences, Belgrade
Department of Education and Culture,
Serbian Orthodox Diocese of Braničevo Požarevac

PUBLISHER

Goran Bašić, Ph.D.
Goran Ilić

INTERNATIONAL SCIENTIFIC PROGRAMME COMMITTEE

Prof. Sergey Lebedev, Belgorod National University, Belgorod
Nonka Bogomilova, Ph.D., Bulgarian Academy of Sciences, Sofia
Prof. Yuri Stoyanov, School of Oriental and African Studies, London/Jerusalem
Prof. Ivan Cvitković, Academy of Sciences of Bosnia and Hercegovina
Prof. Olga Smolina, V. Dahl East Ukrainian National University
Mirko Blagojević, Ph.D., Institute of Social Sciences, Belgrade
Goran Bašić, Ph.D., Institute of Social Sciences, Belgrade
Lilijana Čičkarić, Ph.D., Institute of Social Sciences, Belgrade
Prof. Zlatko Matić, Faculty of Orthodox Theology, University of Belgrade

REVIEWERS

Prof. Vladimir Bakrač, Faculty of Philosophy of Nikšić
Prof. Dragan Todorović, University of Niš, Faculty of Philosophy

SERIES

Edited Volumes

SERIES EDITOR

Natalija Mićunović, Ph.D.

Prepared as part of the project "Social Transformations in the European Integration Process: A Multidisciplinary Approach" supported by the Ministry of Education, Science and Technological Development of the Republic of Serbia (III 47010)

ISBN 978-86-7093-228-9

edited volumes

DIFFERENT FORMS OF RELIGIOSITY AND THE MODERN WORLD

(Thematic Conference Proceedings of International Significance Held
in Srebrno jezero /Veliko Gradište – Serbia/, April 26 and 27 of 2018)

EDITORS

Mirko Blagojević, Ph.D.

Prof. Zlatko Matić

Contents

6

Zorica Kuburić

Natural Medicine in the Form of New Religiosity

22

Dragana Radisavljević Ćiparizović

Pilgrimages and Religious Tourism: Exhibits to Research
of (Non)Traditional Religiousness

41

Milan Blagojević

Faith, Ideology and the Information Age:
Universal Spirituality of Generation Y

56

Milena Škobo; Sanja Stojković Zlatanović; Ranko Sovilj

The Influence of Traditional and Modern Religious Movements on the
Position of an Individual in the Modern Society

74

Zorica Mršević

Helena Blavatsky's Anthropogenesis

90

Srđan Barišić

Islamic Community Facing the Challenges of Non-Institutional
Interpretations and Organizational Forms

114

Ana Vuković

What Feminists in Serbia Think About Religiosity?

128

Vesna S. Trifunović

The Challenges of Globalization:
Christianity and Ideology of Liberal Modernization

146

Zoran Gudović

Transcultural Reality and Methodology of Religious Dogmatics

166

Гюльнара Гаджимурадова

Роль ислама в трансформирующейся Европе

182

Неманя Вукчевич

Традиционная религиозность и миграционные процессы

202

Лидия Газнюк

Православная экуменическая мысль современности

222

Михаил Бейлин

Религиозная этика как вневременной императив нравственности

ZORICA KUBURIĆ
University of Novi Sad

НЕМАНЯ ВУКЧЕВИЧ
Нови Сад

Традиционная религиозность и миграционные процессы

Аннотация

Проблема соотношения традиционной религиозности и миграционных процессов является недостаточно изученной. В данной работе мы постарались кратко описать их сложную взаимосвязь, которая, по нашему мнению, присуща человеческому обществу с доисторических времён. Обычно миграцию рассматривают как географическое и/или демографическое явление, но в первые десятилетия XXI века его стали воспринимать и как явление политическое. В условиях глобального преобладания неолиберального подхода это явление рассматривают преимущественно в экономическом контексте. В противовес данным аспектам, в нашей работе мы постарались рассмотреть взаимосвязь миграции с традиционными религиями. В нашей работе мы говорим о том, что религия играет большую роль в процессе миграции, но также и о том, что миграционные процессы оказывают большое влияние на религию. Изменения вызванные взаимопроникновением этих феноменов находят отражение в религиозных институтах, а также непосредственно в духовной и религиозной жизни мигрантов. Подобные изменения происходят на мировом уровне, в границах конкретного государства, в сфере взаимодействия различных конфессий, внутри различных религиозных сообществ, а также в сфере взаимоотношений поколений в среде самих мигрантов. Эти изменения могут быть как результатом реализации гуманистической функции религии в социально-психологической сфере жизни мигрантов, так и результатом злоупотребления религией в политических целях.

Ключевые слова: миграция, миграционные процессы, религия, религиозность.

„Even if all material possessions are lost this religious capital will remain with the migrant“

dr Annemarie Dupre¹

■ В контексте общей дискуссии о религиозности и миграционных процессах мы с достаточной степенью уверенности можем привести тезис о том, что эти явления свойственны самой природе человека и о том, что они являются неотъемлемым атрибутом истории человечества. В частности, миграции имеют место с древнейших времен существования человека как субъекта и человека как субъекта социума. В Библии, в Старом Завете, в Книге Бытия первые люди - Адам и Ева - принадлежат к первому поколению людей, которое приобретет опыт изгнания, так как, как мы знаем, они будут вынуждены «эмигрировать» из Райского сада. Здесь мы не будем начинать дискуссию о том, является ли Райский сад абстракцией и метафорой, касающейся духовной сущности человека, или же географическим пространством на нашей планете. В относящейся к данному вопросу литературе можно найти аргументы как в пользу первой, так и в пользу второй точки зрения, но всё это лежит за рамками нашего исследования.

Вместе с тем, фактом остается то, что данный «мотив исхода» имеет место с древнейших времен. Следующим примером является исход евреев (израильтян) из Египта под предводительством Моисея, однако, лучшей иллюстрацией в данном контексте является история Авраама. Изучив по библейским текстам географию и пути его странствий, мы с полным правом могли бы характеризовать жизнь Авраама как жизнь мигранта. Описанное в другой традиционной религиозной книге – в Коране – паломничество пророка Мухаммеда в

¹ По словам доктора международного права Анны-Мари Дюпре (1938 г. р.), в период с 1986 г. по 2004 г. исполняющей обязанности директора Службы по делам беженцев и мигрантов Итальянской Федерации Протестантских Церквей и в период с 2003 г. по 2006 г. являющейся Председателем Европейской церковной комиссии по делам мигрантов, в общей сложности более 20 лет занимающейся проблемой прав беженцев и мигрантов и сама являющейся беженцем

Медину и его триумфальное возвращение в Мекку имеет исключительное значение для становления Ислама как религии. Значимость данного события объясняет, почему паломничество (хадж) является одним из пяти столпов Ислама и одним из важнейших обязанностей правоверных – миграционный контекст тут очевиден. В Иудаизме миграции также имеют большое значение, так как даже после создания государства Израиль они остаются важным элементом религиозной идентичности евреев.

То, что миграции присущи человеческой расе, как это частично демонстрируют приведенные примеры, в случае, когда мы говорим о религии, еще очевиднее и этому мы находим многочисленные подтверждения в литературных источниках. Объем нашего исследования не позволяет более подробно остановиться на данных источниках, но мы считаем нужным упомянуть исследование Эмиля Дюркгейма «Элементарные формы религиозной жизни. Тотемистическая система в Австралии». Как известно, проанализировав тотемистические верования австралийских аборигенов, Эмиль Дюркгейм выдвинул теорию о возникновении религиозных чувств и институтов на самом раннем этапе истории человечества (мы можем сказать, что это относится к тому периоду, когда мы вообще можем говорить о становлении самосознания людей). Различные культуры и цивилизации, независимо развивающиеся в разных уголках мира, имеют собственные мифологические представления, которые всегда подразумевают наличие неких высших существ, богов и полубогов. Стремление людей к бессмертию, которое до недавнего времени обещала только религия, также имело место у древних людей - мы видим это, например, в «Эпосе о Гильгамеше». Все эти мифологические представления, как и мотив бессмертия, без сомнения имеют и религиозный характер, хотя при этом мы не утверждаем, что религия и мифология идентичны. Таким образом, говорим ли мы о светской или о религиозной истории - и миграции, и религия являются неотъемлемой частью существования человека и человеческого сообщества, как с момента возникновения, так и в процессе дальнейшего исторического развития. Такие утверждения лучше всего рассматривать с позиции «от

противного», однако в настоящий момент не представляется возможным четко ответить на вопрос, каким бы было положение человека (и общества), если бы миграции и религиозность были «исключены» из его социологического кода, так как пока это не произошло. По словам доктора международного права Анны-Мари Дюпре (1938 г. р.), в период с 1986 г. по 2004 г. исполняющей обязанности директора Службы по делам беженцев и мигрантов Итальянской Федерации Протестантских Церквей и в период с 2003 г. по 2006 г. являющейся Председателем Европейской церковной комиссии по делам мигрантов, в общей сложности более 20 лет занимающейся проблемой прав беженцев и мигрантов и сама являющейся беженцем: «Даже, если мигранты потеряют все, что у них есть, у них останется их религиозный капитал»².

В связи с тем, что значимость понятий миграции и религии определяют их имманентностью и древностью, в фокус нашего исследования вполне оправдано попадает вопрос о том, есть ли непосредственная связь между этими феноменами. Тем более что, исследования миграций с устоявшегося демографического и географического поля в наше время постепенно переходит в политический дискурс, особенно после 11.09.2001 года и особенно, когда речь идет о миграциях мусульман (данный вопрос настолько сложен, что требует рассмотрения в отдельном исследовании). Однако, интересно, что упомянутые нами выше в данной связи работы, показывают, что «после миграции молитвенные практики с годами уменьшаются у представителей всех религий кроме мусульман, а активность участия в религиозных действиях со временем уменьшается также и в среде православных мигрантов и субъектов без определённой религиозной принадлежности»³ При этом, мы должны отметить, что практически за редким исключением при изучении данных явлений религиозный под-ход был безосновательно игнорирован и недостаточно

² Annemarie Dupré, dr. (2008) Perspectives on Migration: What role does religion play in the migration process? Mozaik. p. 10. <http://www.koed.hu/mozaik20/annemarie.pdf>.

³ Religiosity and Migration: Travel into One's Self versus Travel across Cultures. Mariya Aleksynska, Barry R. Chiswick

использован. Имеют место и иные точки зрения - так, Жаклин Хаган и Хелен Росе Ибоу (Хьюстонский университет, США) отмечают, что религия играет важную роль во всех шести фазах миграции: в принятие решения, подготовке к переезду, переезде, прибытии на новое место, организации жизни на новом месте и развитии межнациональных связей⁴. В то же время, мы считаем верными и присущие неоклассическим теориям утверждения, которые прогнозируют миграционные движения на основе комбинации экономических переменных и особенности рынка труда. Данная точка зрения представляется нам достаточно очевидной и по своей сути основана на анализе массива статистических данных, что позволяет сделать преимущественно достоверные выводы. Целесообразность данного метода неоспорима, хотя он и имеет свои недостатки. При этом, во многих странах (например, во Франции) иностранным контрагентам запрещено проводить опросы религиозной принадлежности граждан. Нужно сказать, что рассмотренный нами нелиберальный подход (который является одним из множества подходов такого типа) не показывает всю картину миграционного процесса, хотя он и выявляет многие важные элементы. При этом мы полагаем, что необходимый баланс в управлении миграционными процессами достигается единственно посредством синтеза нелиберального и гуманистического подходов, в котором религия занимает важное место как социально-психологический феномен.

Мы считаем, что религия может способствовать организации более легкой жизни в принимающей стране, но также может играть и совершенно противоположную роль. Например, по мнению Рицхмана: «гаитянские мигранты в Палм Бич (Флорида) используют религию не только для того, чтобы найти свое место в чужом религиозном ландшафте, но и для того, чтобы выделиться на его фоне».⁵ Организация жизни, о

⁴ International Migration Review, Vol. 37, No. 4, The Future of the Second Generation: The Integration of Migrant Youth in Six European Countries (Winter, 2003), pp. 1145-1162 Published by: The Center for Migration Studies of New York, Inc.

⁵ Religion and transnational migration Final Draft August 6, 2002 Pegg y Levitt Wellesley College and Harvard University

которой мы говорим, в большей своей части имеет социологический характер (при этом она не сводится только к тому, что мы называем облегчением быта, удовлетворением основных потребностей в еде, крове, гигиене и общении), но может иметь и характер духовный. При этом мы можем исследовать только его внешние проявления, а представление о содержании, которое, как мы предполагаем, является основой последующей организации религиозной жизни, возможно получить только опытным путем. Например, проведенные Ван Дейком исследования современного состояния Церкви Пятидесятницы, показывают, что будущие мигранты в Гане часто обращаются к исцеляющим и спасительным ритуалам в молельных домах в целях духовных консультаций и благословения своего переезда⁶.

Возможно, после вышесказанного стоит добавить, что неолиберальный подход указывает нам на причины или отвечает на вопрос «почему», в то время как гуманистический подход, который включает религиозный взгляд, отвечает и на вопрос «как». На самом деле присутствие религиозного фактора в миграционном процессе логически обоснованно тем, что этот процесс, особенно в случае принудительных миграций - вне зависимости от того вызваны ли они локальными военными действиями или снижением уровня благосостояния - всегда сопряжен с риском и опасностью (мы ежедневно видим сообщения в СМИ о летальных случаях и случаях тюремного заключения мигрантов, иногда об их массовой гибели мигрантов, о больших злоупотреблениях тяжелым положением мигрантов и других трагедиях). Объяснимо, что в такой ситуации, т.е. в условиях абсолютной опасности и огромных страданий, люди в большинстве случаев инстинктивно обращаются к религии. Обращение к религии изначально является одним из путей поиска решений проблем, вызванных миграцией⁷. Мигранты обычно являются верующими и этот факт нужно учитывать в процессе изучения миграций и управления миграциями.

⁶ Там же.

⁷ Werner Schiffauer; First published in German in the catalogue for the exhibition Projekt Migration, published in DuMont Literatur und Kunstverlag, Köln 2005. Copyright: Goethe-Institut, Fikrun wa Fann

В данном контексте сразу возникает следующий вопрос: является ли миграционный процесс катализатором религиозных чувств и поведения даже у тех, кто ранее не был верующим или членом церковного сообщества или же миграционный процесс только усиливает уже существующее религиозное состояние у индивидов или групп? Мы уверены, что это в большинстве случаев данный вопрос касается не только самих мигрантов, но опосредованно и их семьей, родственников, брачных партнёров, а в некоторой степени и других членов сообщества (например, курьеров, которые осуществляют передачу информации и денег как в государстве, откуда приходят мигранты, так и в государстве, куда они направляются). Интересно, что молитвы и религиозные обряды в некоторых случаях не прекращаются и тогда, когда миграционный процесс завершен. В некоторых странах родственники мигрантов приносят их фотографии и вещи священникам и совместно осуществляют над ними бдение. «... и в качественных, и в количественных социологических исследованиях, миграционный опыт и конфессия редко являются главными критериями выбора фокус-группы. Здесь необходимо упомянуть исследование Иванковой-Стецюк под названием «Качественный анализ трудовая миграция на Украине: материалы глубинных интервью и фокус-групп», в которой автор говорит о том, что «во время анализа глубинных интервью с переехавшими в Польшу украинскими трудовыми мигрантами исследователи выявили ряд специфических мотивов выбора именно этой страны. Среди них ведущее место занимают бывшие связи и контакты женской части интервьюируемой группы, которые были установлены задолго до того, как было принято решение о переезде. Конкретно, данные интервью показали, что факт наличия родственников в Польше или польских корней, а гораздо чаще факт наличия социальных контактов в это стране, дает украинцам определенные преимущества, которые становятся актуальными во время трудовой миграции». Выявленные особенности подтверждают присутствие социально-культурных факторов влияния, включая близость культурных идентичностей с обществом принимающей страны. Причем конфессия и/или религия являются одним из аспектов данных социально-культурных

факторов⁸. К подобным выводам пришли и Виктория Володко и Ханна Бритш».⁹

Помимо упомянутых выше психологических и духовных функций, церковным институтам свойственна и функция социологическая. Однако, эта функция не реализуется только лишь посредством приема мигрантов, организации питания, проживания и иногда даже финансовой помощи, но также и посредством организации общественной жизни с помощью интенсивных контактов с ранее прибывшими мигрантами и резидентами. Все вместе это настолько помогает мигрантам приспособиться и освоиться до такой степени, что иногда это даже приводит к смене вероисповедания. «Церковные институты важны и на начальной стадии процесса переселения (например, по данным Вернера Шиффера, многие приезжие майи-католики переходят протестантизм Церкви Пятидесятницы вскоре после своего переезда). Также, Старк и Финке отмечают, что как и брак, миграция является главной причиной перехода из одной религии в другую, если это способствует социальной адаптации и удовлетворяет потребность в формировании новых социальных связей»¹⁰. Изменение вероисповедания в связи с тяжелыми условиями жизни не являются большой новацией в исторической ретроспективе. Имеет место и другая тенденция, так Аззи и Эксренберга говорят, что «общеизвестным фактом является то, что присутствие мигрантов и/или национальных меньшинств может увеличить общественный статус религии[...], а её рыночную альтернативу может ограничить дискриминация на основе вероисповедания, потенциально способствуя сохранению отличающейся религиозности»¹¹. Таким образом, мы видим, что описываемые тенденции имеют двусторонний характер. Однако, как мы считаем, данный феномен не следует рассматривать только лишь с подобно точки зрения, т.е. с точки зрения мигрантов.

⁸ Выделено автором данной статьи.

⁹ Religion and International Migration: A Case Study of Ukraine Wadim Strielkowski, Yuri Bilan and Oleh Demkiv Religions 2016, 7, 64.

¹⁰ Religiosity and Migration: Travel into One's Self versus Travel across Cultures Mariya Aleksynska, Barry R. Chiswick

¹¹ Там же.

Также, по нашему мнению, необходимо подчеркнуть, что именно в этой связи важно идентифицировать миссионерские намерения любой церкви привлечь как можно больше прихожан и, что в условиях уменьшения других целевых групп мигранты приобретают первостепенное значение, вне зависимости от того понимают ли это сами мигранты. Схожим образом мы интерпретируем и выводы Пегги Левит о религиозной идентичности: «недавнее исследование мировых религий привело к прояснению того, каким образом религия создает международные связи, которые формируют универсальную идентичность. Религия, а особенно имеющие место в широком географическом контексте религиозные движения проникают во все более гомогенизирующиеся формы богослужений и организаций, что приводит к созданию глобальных сообществ, к которым местные жители могут примкнуть. Таким образом, по словам Ван Дийка, члены этого глобального сообщества сталкиваются с множеством интеграционных возможностей, которое намного превосходит возможности обусловленных религиозными особенностями локальных сообществ и культур».¹² Тут мы видим, что миграции влияют на глобализацию религии, что и неудивительно принимая во внимание тенденцию каждой религии претендовать на то, чтобы быть глобальной и универсальной. Возможно, точнее было бы сказать, что церковь и другие религиозные сообщества используют миграционные процессы для реализации своих миссионерских целей. Однако, не до конца ясно какова эта миссионерская цель: духовна ли она или институциональна?

Взаимосвязь религии и миграции мы снова наблюдаем и в религиозных практиках, особенно в принимающих мигрантов странах, в которых религиозные практики отличаются от религиозных практик, принятых у самих мигрантов. По мнению Анны-Марии Дюпре, церковные институты должны стремиться к укреплению законодательных основ свободы вероисповедания. По её мнению, необходимо уважать права религиозных меньшинств, и когда они не являются христианами. В данном контексте, возникают споры о всеобщих ценностях,

¹² Religion and transnational migration Final Draft August 6, 2002 Peggy Levitt Wellesley College and Harvard University

акцентированные на вопрос о том, как далеко религиозные сообщества могут зайти в процессе продвижения определенных религиозных правил, которые могут оказаться неприемлемыми с точки зрения основных ценностей сообщества принимающих стран. Источник данной проблемы не нов, имеет место множество примеров, объясняющих, почему дело доходит до подобных, как мы можем сказать, обоюдных религиозных коллизий. То, что было бы новым и необходимым – это базирующиеся на глубоком погружении в теологические догматы всеобъемлющие и долгосрочные решения, которые на уровне теологии кажутся невозможными, особенно, если эти догматы практикуются на общей территории. Миграции, однако, являются лакмусовой бумажкой не только для оценки вызовов секулярного государства, которое религиозные вопросы превращает в политические, но и для церкви, которая вне зависимости от своего желания, политические вопросы превращает в теологические - при этом и государство, и церковь несут ответственность за возможность совместного существования людей, за цивилизацию и за существование человека. Все элементы такого замкнутого круга, в котором, упрощенно говоря, либо отказываясь от постулатов собственной веры, принимаются практики другой веры ради благополучия мигрантов, либо, отказывая мигрантам в праве на благополучие укрепляются собственные религиозные убеждения, должны быть постоянно добровольно ответственными и посвященными - от индивида, местных общин, государства, государственных объединений до глобального сообщества, для того, чтобы избегая обычных злоупотреблений (например, в политических компаниях, в которых «правые» движения привлекают дополнительные голоса избирателей) сформировали новое общее постмодернистское знание и состояние, которые в основном исповедует большинство религий – мир во всем мире и любовь к ближним.

Миграции выявляют и отличия в самих характеристиках определенных конфессий, и обусловленное ими различное влияние конфессий в социальной сфере. Например, «в этом смысле, Украинская греко-католическая церковь переняла некоторую гибкость и инновационность от Католической церкви,

которая стремится ответить на вызовы современности и соответствовать актуальным запросам своих прихожан. В отличие от этого, в православной традиции нет большого опыта реализации общественной доктрины, при этом она может похвастаться большей метафизической природой, мистицизмом и невмешательством из общественные и политические вопросы». ¹³ Но, мы находим примеры, подтверждающие и иные утверждения, так „на практическом уровне, специальная подготовка священников и церковных социальных работников, организованная Украинской православной церкви (Московского патриархата) помогла противодействовать нелегальной миграции и способствовала координированной помощи жертвам миграционных процессов. Другими словами, даже когда данная церковь обращает внимание на явление миграции, она рассматривает ее как большую проблему“ ¹⁴ В своей работе мы не ставим перед собой целью определить, какая из двух точек зрения является более точной, но, если бы мы должны были определиться в своей позиции, мы не стали бы утверждать, что возможно обе точки зрения могут быть правильными, т.к. нам важнее показать, что отношение религии и миграции - неоспоримое и сложное явление, что подтверждается и первым, и вторым утверждением.

Важно отметить, что религиозные отношения в контексте миграций носят не только лишь интернациональный и межконфессиональный характер, но и внутриконфессиональный. Тем не менее, возможно самой важной характеристики религиозности мигрантов в институциональном смысле является то, что она всегда и везде становится светским (нерелигиозным) движением. Инициатива по организации молитвенных собраний (молитвенных домов) в новой среде жизни обычно идет снизу или, по крайней мере, она поддерживается низами ¹⁵.

¹³ Religion and International Migration: A Case Study of Ukraine Wadim Strielkowski, Yuriy Bilan and Oleh Demkiv Religions 2016, 7, 64

¹⁴ Werner Schiffauer; First published in German in the catalogue for the exhibition Projekt Migration, published in DuMont Literatur und Kunstverlag, Köln 2005. Copyright: Goethe-Institut, Fikrun wa Fann

¹⁵ Religion and International Migration: A Case Study of Ukraine Wadim Strielkowski, Yuriy Bilan and Oleh Demkiv Religions 2016, 7, 64

Другими словами мигранты и сами организуют религиозные институты и практики в рамках своей религии, но достаточно произвольным – вольным образом. «Многие межнациональные религиозные практики развиваются в индивидуальном, неформальном окружении. Они сочетают в себе формальные религиозные элементы и популярные народные меры настолько произвольно, что это может привести к конфликту внутри самой практики».¹⁶

Определенный компромисс, к которому, как правило, позднее религиозное сообщество приходит, должен в себе – по крайней мере до определенной степени - включать изменение всей религиозной жизни, в частности, касательно автономности относительно собственной церкви или религиозной общины. «Принимая все это во внимание, мы можем говорить о том, сам по себе интересен факт того, что любая характеристика страны конечного назначения важна для эмигрантов. Данный факт подтверждает то, что религиозность не является полностью неизменяемой особенностью и, что она меняется под влиянием внешних факторов, особенно под влиянием религиозных институтов и культурной среды, в которой находится индивид, как и в зависимости от продолжительности пребывания в принимающей стране...».¹⁷ Необходимо отметить, что приводя данные примеры и говоря о религии в институциональном и организационном контексте, мы неизбежно прибегаем к своеобразной «рутинизации религии». Это явление впервые выделил и опередил Тревор Линг, говоря о христианстве в период с I в до н.э. до 500 г. н.э. в своей книге „История религий Востока и Запада“. Как мы видим, в этой рутинизации на передний план выходят «внешние» авторитеты, а «внутренние» религиозные чувства теряются. Те, кто до сих пор сохраняют эти религиозные чувства и противостоят установившимся авторитетам, рассматриваются со стороны этих авторитетов как фанатики. «Видим ли мы тут, за тысячу лет до Французской

¹⁶ Religion And Transnational Migration Final Draft August 6, 2002 Peggy Levitt Wellesley College and Harvard University

¹⁷ Religiosity and Migration: Travel into One's Self versus Travel across Cultures Mariya Aleksynska, Barry R. Chiswick

революции, зачатки секуляризации?»¹⁸ Можем ли мы, рассуждая подобным образом утверждать, что миграции способствуют секуляризации?

Комментируя данную ситуацию Вернер Шиффер приводит высказывание Пьера Бурдьё, которое подтверждает тезис о том, что изменения в религиозной жизни не носят только лишь институциональный, но и духовный характер. Религиозная энергия часто проявляется более чистым и свободным образом, со столь большой силой, которая оставляет средний класс без слов. Это приводит к настоящему извержению этой энергии, порожденному отчаянием и продолжается на основе дикого энтузиазма¹⁹. Это имеет особое значение и тут возникает вопрос о том, является ли преждевременным вывод о том, что миграционные процессы способствуют повышению качества религиозных чувств, не смотря на то, что они нарушают иерархию и практику собственных религиозных институтов стран происхождения? Или, если мы придерживаемся более радикальных позиций - говоря политически некорректно, может быть именно поэтому? «Возможно, фактом является и то, что личный опыт миграции значительно влияет на личную религиозность. Миграции при этом выглядят как процесс личной трансформации, пути к себе, а опыт, связанный с фактом миграции имеет долгосрочное влияние на индивидуальное отношение к религии и духовности в широком смысле».²⁰

Невозможно рассмотреть все случаи взаимодействий религии и миграции - отчасти потому, что они не полностью задокументированы, а отчасти из-за сложности полного охвата – однако, мы должны особо отметить случаи дисконтинуитета религиозного поведения среди различных поколений мигрантов. Как мы уже говорили выше в определенной среде роль

¹⁸ Вукчевич Н. Сравнительный подход в книге Треворя Освальда Линга «История религий Востока и запада: введение и интерпретация». // Научный результат. Социология и управление, Том 4, Выпуск №1, 2018. С. 3-12.

¹⁹ Werner Schiffauer; First published in German in the catalogue for the exhibition Projekt Migration, published in DuMont Literatur und Kunstverlag, Köln 2005. Copyright: Goethe-Institut, Fikrun wa Fann

²⁰ Religiosity and Migration: Travel into One's Self versus Travel across Cultures Mariya Aleksyńska, Barry R. Chiswick

религии состоит в большей степени в том, чтобы утешить и приободрить в части самого принятия решения о начале процесса переезда. Иногда это выражается даже в том, что священник, участвуя во всех этапах миграционного процесса и координируя представителей всех поколений в семье, «в коммуникациях с Богом» определяет, является ли данный момент подходящим для переезда, и в том, что священник в любой момент может остановить весь процесс. Таков, например, случай с миграцией майя (Южная Америка) в Хьюстон (США).

В Европе первое поколение мигрантов часто находится в дисконтинуитете относительно религиозных традиций со своими потомками, которые будучи рожденными в новой стране, естественным образом перенимают язык, культурологический код и практики секулярного государства. Но, возможна и полностью противоположная ситуация, когда новые поколения мигрантов, рожденные и получивших образование в новой стране, демонстрируют исключительную коллизию со средой своего существования (в отличие от своих родителей), используя именно религию не только как «*differentia specifica*» и щит, но и как оружие против этой среды. Возможно это один из тех редких случаев, когда мы можем ясно увидеть все положительные стороны индивидуализма, особенно в части стремлений индивида к духовному поиску и духовному самосовершенствованию, в отличие от коллективного требования социальных изменений, которые по определению носят конфликтный характер, в независимости от того оправдан он или нет, и приводит ли он или нет к политическим последствиям, хотя в любом случае он не приводит к последствиям духовным.

Очевидно, что некоторым странам знакомы политические результаты миграции, поэтому эти результаты не обязательно должны быть фактическим последствием миграции, т.к. уже существует достаточные возможности по их прогнозированию и управлению ими. Вопрос заключается только в том, насколько государстве принимает во внимание религиозный фактор в процессе управления миграциями, что в свою очередь зависит от уровня секулярности как в родной стране мигрантов, так и в стране принимающей их. Это позволят нам сделать вывод о том, что миграции опосредованно способствуют

включению религии в международные отношения. Например, религиозные институты, созданные турецкими мигрантами в Германии, получают активную поддержку от Министерства по делам религии Турции координирующуюся немецкими властями. «В ходе сравнительного анализа поведения марокканских и турецких мигрантов в Германии, Рон Лестеге выявил, что турецкие эмигранты и их дети участвуют в межнациональных практиках намного чаще, чем марокканские мигранты, включая практики владение недвижимостью в Турции и поиск в Турции брачных партнеров. Он частично объясняет это различие актуальным участием турецких властей в религиозной жизни своих соотечественников за рубежом. Другой пример влияния государства мы ясно видим, когда размышляем о мигрантах из стран, где имеет место тесная связь государства и церкви, и сравниваем их с мигрантами из стран с высоким уровнем религиозного плюрализма. В таких странах как Ирландия и Пакистан, мигранты часто оказываются под большим давлением при изъяснении себя как пакистанцев, мусульман, ирландцев или католиков, а религиозная и национальная идентичность взаимно усиливают друг друга. Эти индивиды с большей долей вероятности являются межнациональными активистами, т.к. их мотивация к этому проистекает из двух источников, которые взаимно усиливают один другой».²¹ Говорили бы мы о запрете на строительство мечетей в Швейцарии 2009 года или запрете на ношение хиджаба в общественных местах во Франции и Бельгии 2010 года, если бы ситуация в этих странах была схожа с ситуацией в Германии? Этот вопрос, как и многие, другие остаётся открытым и показывает, что соотношению религии и миграции должно посвящаться намного больше внимания, т.к. эта проблема глубоко проникла в политическое устройство мира. «Не следует забывать, что феномен нации является общественным конструктом, который сформирован политикой и который гипотетически может быть превзойден, когда будут созданы условия для деконструкции и формирования нового устройства, как это прогнозируют сторонники глобализма. Миграции могут быть причиной таких изменений, т.к. они меняют

---

²¹ Religion And Transnational migration Final Draft August 6, 2002 Peggy Levitt Wellesley College and Harvard University

демографическую картину принимающих стран, глубоко проникают в культурологические и религиозные основы местного населения, увеличивают социальную дихотомию и, на самом деле, как симулякр нации требует все возможные и юридически, и этически обоснованные права, обуславливая и создание абсолютно новых симулякров».²²

В заключении мы считаем нужным сказать, что взаимоотношения религии и миграции являются сложными и взаимосвязанными и они изначально присущи человеческому роду. Религия влияет на миграционный процесс во всех его фазах, это влияние имеет как социологический характер, когда это влияние осуществляется посредством религиозных институтов и привлечения духовных лиц, так и психологический характер, когда влияние осуществляется посредством религиозных обрядов и духовной поддержки. Таким образом, мы пришли к следующим выводам: мигранты посредством самоорганизации усиливают свою религию по отношению к доминирующей религии той страны, куда они эмигрировали с целью сохранения идентичности и уникальности (такой самоорганизации иногда может быть присуще и отступничество, которое приводит к автономии или большему духовному опыту); мигранты интегрируются в уже существующие религиозные организации, которые с целью сохранения собственной идентичности и уникальности более ориентированы на усиление религиозности своих прихожан по сравнению с религиозными институтами доминирующей в принимающей стране; мигранты укрепляют свою религию пропорционально секуляризации в принимающей стране; мигранты меняют вероисповедание с целью лучшей организации жизни в принимающей стране; мигранты способствуют реализации миссионерских целей церкви в независимости от того осознают они это или нет; мигранты способствуют интенсификации глобализационным процессов, создавая межнациональные сети посредством религиозных

²² Вукчевич Н., Гридчин А.А. Миграције и проблеми мира и конфликта у савременој епохи. Материјали VI Међународној научној конференцији «Култура. Политика. Понијание (култура, нација, государство – проблеми идентичности в контексте современной политики» (Белград 17-19 мая 2018 г.) С. 83-89.

институтов; мигранты изменяют и свою собственную религию, особенно в институциональном смысле, «вынуждая» её менять свои социально-психологические функции, до такой степени, что это может спровоцировать своего рода конфликт внутри самой этой религии.

Всё наше исследование показывает, что религии не являются «окостенелыми», наоборот - они чувствительны к внешним социологическим и внутренним психологическим факторам, особенно в новых условиях (подобные изменения проявляются и на микроуровне внутри семьи в конфликте поколений). Не до конца ясно усиливают ли миграции процесс секуляризации или содействуют десекуляризации?

Миграции способствуют проникновению религиозного фактора в международные отношения даже в том случае, когда речь идет о секулярной стране. Также, миграционные процессы могут способствовать политическим злоупотреблениям религией, до такой меры, что гипотетически это может привести к симулякру глобальной нации, которая в этом случае потребует специальных прав. Именно поэтому необходимо детальное и тщательное изучение соотношения религии и миграции, что имеет особенное гуманистическое значение.

Литература

- Annemarie Dupré, dr. (2008). Perspectives on Migration: What role does religion play in the migration process? Mozaik. pp. 7-11. <http://www.koed.hu/mozaik20/annemarie.pdf>.
- International Migration Review. (2003). Vol. 37, No. 4, The Future of the Second Generation: The Integration of Migrant Youth in Six European Countries (Winter, 2003), pp. 1145-1162 Published by: The Center for Migration Studies of New York, Inc.
- Religion and International Migration. (2016). A Case Study of Ukraine Wadim Strielkowski, Yuriy Bilan and Oleh Demkiv Religions 2016, 7, 64.
- Religion and Transnational Migration. (2002). Final Draft August 6, 2002 Pegg y Levitt Wellesley College and Harvard University.
- Religiosity and Migration: Travel into One's Self versus Travel across Cultures Mariya Aleksynska, Barry R. Chiswick.
- Werner, Schiffauer- (2005). First published in German in the catalogue for the exhibition Projekt Migration, published in DuMont Literatur und Kunstverlag, Köln 2005. Copyright: Goethe-Institut, Fikrun wa Fann.
- Вукчевич, Н. (2018). Сравнительный подход в книге Тревора Освальда Линга «История религий Востока и запада: введение и интерпретация». // Научный результат. Социология и управление, Том 4, Выпуск №1, С. 3-12.
- Вукчевич Н., Гридчин А.А. (2018). Миграције и проблеми мира и конфликта у савременој епохи. Материјали VI Међународној научној конференцији «Култура. Политика. Понијание (култура, нација, државство – проблеми идентичности в контексте савремене политике» (Београд 17-19 маја 2018 г.) С. 83-89.

Abstract

The problem of the relation of traditional religiosity and migration processes is insufficiently studied. In this paper, we tried to briefly describe their complex interrelation, which is, in our opinion, inherent to human society since prehistoric times. Migration is usually viewed as a geographical and / or demographic phenomenon, but in the first decades of the XXI century it was also perceived as a political phenomenon. In the context of the global predominance of the neoliberal approach, this phenomenon is considered mainly in the economic context. In contrast to these aspects, in our work we have tried to consider the relationship of migration with traditional religions. We say that religion plays a big role in the migration process,

but also that migration processes have a great influence on religion. Changes caused by interpenetration of these phenomena are reflected in religious institutions, as well as directly in the spiritual and religious life of migrants. Such changes are taking place at the world level, within the borders of a specific state, in the sphere of interaction of various denomination, within different religious communities, and relationships among different generations of migrants themselves. These changes can be the result of the realization of the humanistic function of religion in the socio-psychological life of migrants, as well as the result of the abuse of religion for political purposes.

Keywords: migration, migration processes, religion, religious.

Перевод с сербского языка: Ряпухина Виктория Н., к.э.н. Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова

CIP - Каталогизacija у публикацији
Народна библиотека Србије, Београд

316.74:2(082)

316.322:2(082)

2-67(082)

DIFFERENT forms of religiosity and the modern world :

(thematic conference proceedings of international significance held in Srebrno jezero, (Veliko Gradište, Serbia), April 26 and 27 of 2018) / editors Mirko Blagojević, Zlatko Matić. - Belgrade : Institute of Social Sciences ; Požarevac : Department of Education and Culture, Serbian Orthodox Diocese of Braničevo, 2019 (Belgrade : Faculty of Technology and Metallurgy, Research and Development Centre of Printing Technology). - 243 str. : ilustr. ; 22 cm. - (Series Edited volumes)

Radovi na engl. i rus. jeziku. - "Prepared as part of the project 'Social transformations in the European integration process: a multidisciplinary approach' ... (III 47010)" --> kolofon. - Tiraž 150.
- Notes on contributors: str. 239-243. - Napomene i bibliografske reference uz radove. - Bibliografija uz svaki rad.

ISBN 978-86-7093-228-9 (ISS)

а) Религија -- Друштво -- Зборници б) Социологија религије
-- Зборници в) Глобализација -- Религија -- Зборници

COBISS.SR-ID 281240844

Language proofreading: Ivana Arsić, Ph.D. | **Graphic design and layout:**
Milorad Mitić | **Print:** 150 copies | **Printed by:** Faculty of Technology and
Metallurgy, Research and Development Centre of Printing Technology

---